

тиям царевым не сущим ту. Они же уши яко глухи и мушшим и очима яко слепы быша, к себе же глаголаху: не дейте, яко возьмут их турки, а мы у них возьмем Царьград».¹

Олесту [так!] да иже разореме Елладе, рекше Греческой стране, не познаша, яко разоритися имать и прочая часть благочестивых [стр. 495].

[Магомет приступил к городу] и тайно подкопание глубочайшее соделаша и мост от станы Галаты града долгогоу 2000 стоп скоро сотвориша и стрельницы деревянныя превыше градских высочайших поставиша Многообразным же ухищрением и пушки приведоша . . . И преодолен бысть град и окружен ратными, тако же и самая Галата, яко невозможно ни откуду быти и которому пособию Царюграду [стр. 495].

О военных приготовлениях турок не говорит.

И заповедаша поганин своему всему воинству, да в 5 день маяя вси постятся во дни. И по том в трех днех тыщахуся град разорити. И посту их бывши до ночи, в нощи же питахуся и пироваху и друг друга объемяше и целоваше, яко последнее радуяся и к тому видетися не надеюще [стр. 495—496].

О посте турок пред началом приступа повесть не упоминает.

Бяху же стены градския высотой и красотою во всей вселенней преславнейши, но за ветхость и нерадение греческаго промысла и покрова пусты, предградия же добре зело утвержена быша [стр. 496].

Этой заметки о состоянии царьградских стен в повести также не находится.

Оскудевшим же силам у турков слабее ратоваху. Но Магомет крепко брани пристоя и вельми вопия: «ягма! ягма!», сиречь, на разграбление града. И коегождо от храбрых по имени зваше и на брань возвратитися моляще их, овех убо почестыи и возмездии обильными дарований воздвизая, овех же прещеньми устрашая. И сице укрепившеся

стране; не познаша, яко разоритися имать и прочая части благочестивых [Троицк 811, л. 298 и об.].

И сице тайником сокровенным и копанием глубочайшим соделанным и мосту от страны Галата града долгогоу 2000 стопам скоро сотворену и стрелницам деревяным в толико возвышенным, яко стены градския и высочайшиа сущия превзыти, ухищрениям же и пушкам многообразным поведенным преодолен бысть град. . . Егда же день осветаше, знамению данному не токмо Константин град скружатися почал, но и самой Галате, да не подасть некое пособие Константиноу граду [Троицк. 811, л. 298 об.].

со стороны Галаты повесть ничего

Таже по малех днех последним гласом пропсвэдника своему воинству заповедася, да в 5 день маяя воины вси постятся, а последующий день вооружени да придут последними подвиги град разорити и в трех днех расхитити и. В установленный ж день посту до нощи продолжену, и яко звезды явишася, звания и пирования везде бываху, и всяк, друга и сродника и знаема приемля, с ним радуяся, питашеся. Егда же доволне насытисася пищею и питием, ани к тому друг друга не видети имеюще, и объемяюще друг друга целоваше и последнюю радость себе пригласиша [Троицк. 811, л. 298 об. — 299].

Бяху же стены градския и высотой и красотою во всей вселенней преславнейши, но за ветхость и греческое нерадение промысла и покрова пусты, а предградия зело добре укреплена быша, в них же и спасение свое грецы полагаху, вооружены ж воины посреде стен и предградия и брань составити уразумеша [Троицк. 811, л. 299].

Оскудевшим же силам у турков слабее ратоваху. Но Моамеф предстоя коегождо от храбрых по имени зваше и яко на брань возвратитися моляще, овех убо почестыи и возмездии обильными трудов своих воздвизая, овех же прещеньми устрашая, и сице паки подвиг обновил есть. И турцы паки к стенам приближышася и врата плещи своими отворити

¹ Выделенные разрядкой места взяты из повести.